

ЭВОЛЮЦИЯ ФАКТОРА ЭНЕРГЕТИКИ В БЛИЖНЕВОСТОЧНОЙ ПОЛИТИКЕ США (ОТ ДЖ. БУША-мл. ДО Д. ТРАМПА)

© 2017 г. **А.И. Шумилин***

Статья поступила в редакцию 28.08.2017.

В начале XXI столетия Соединённые Штаты основательно уменьшили свою зависимость от арабской нефти, активно утверждая себя в роли ведущего экспортера энергоносителей в мире. Означает ли это неизбежное падение интереса США к региону Ближнего Востока? Такая перспектива откровенно озадачивает арабских партнёров США и Израиль. И все же у американской политики в регионе появляются новые обоснования. Сохраняющееся и временами нарастающее военное и экономическое присутствие США там сегодня свидетельствует о том, что Ближний Восток был и остаётся зоной геостратегического интереса Соединённых Штатов. Впрочем, и энергетический фактор продолжает играть свою роль. Но уже не так, как прежде.

Ключевые слова: *Ближний Восток, энергетика, политика, США, экспортёр нефти.*

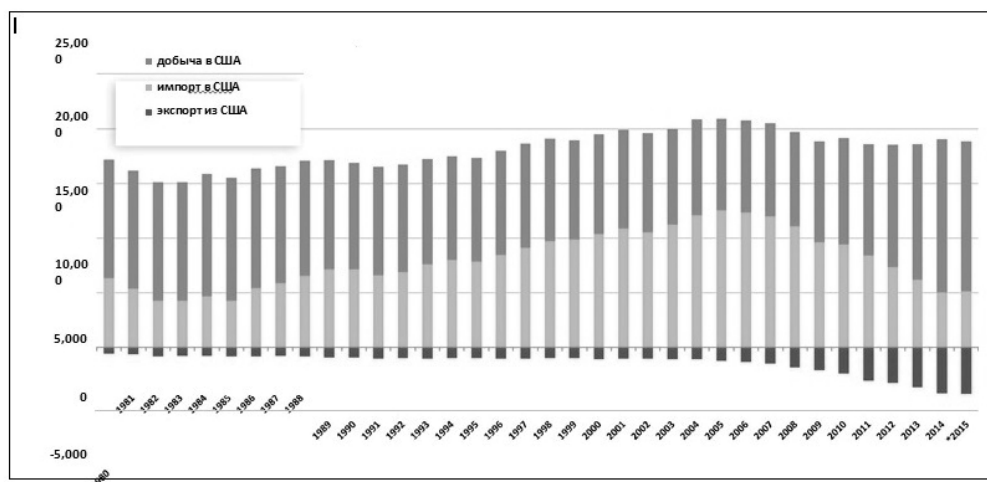
В широко распространённых представлениях Ближний Восток продолжает увязываться в первую очередь с энергетическими (нефтегазовыми) интересами и потребностями Соединённых Штатов. На протяжении полувека после Второй мировой войны, заметим, такая оценка ближневосточных стратегий администраций в отношении региона была оправданной с определённым уточнением: экономический (энергетический) интерес США в регионе с наибольшими разведанными запасами нефти дополнялся интересом геополитическим, связанным с установкой Вашингтона на противодействие влиянию СССР в странах Ближнего Востока. Ситуация, однако, существенно изменилась сначала в сфере геополитики (крушение Советского Союза, новый курс России в регионе), а затем и в сфере энергетики – США де-факто перестали зависеть от арабских углеводородов, превратившись в одного из крупнейших экспортёров газа в мире, поставляя его частично даже в арабские страны Персидского залива (производители этого продукта). Если геополитические расчёты в отношении Ближнего Востока остаются величиной неизменной (хотя сами установки могут изменяться в зависимости от интересов США в регионе), то экономический (энергетический) расчёт – величина более конкретная и осязаемая, а потому измеряемая (интерес в ближневосточных углеводородах у США либо есть, либо его нет). Данную величину справедливо оценить как макси-

* ШУМИЛИН Александр Иванович – доктор политических наук, руководитель Центра анализа ближневосточных конфликтов ИСКРАН. Российская Федерация, 121069 Москва, Хлебный пер., 2/3 (Mideast@mail.ru).

мально сокращающуюся для американской экономики и даже стремящуюся к нулевым отметкам.

Этот перелом по параметрам объёмов нефтедобычи в США, импорта нефти из-за рубежа и экспорта за пределы США отчётливо начал проявляться на рубеже 2003–2004 гг. (см. рис. 1) [Clawson P., Henderson. 2016: 72]. Из официальных данных Министерства энергетики США следует, что в период 2004–2015 гг. объёмы нефтедобычи незначительно колебались вокруг отметки в 20 млн баррелей в день, объёмы импорта неуклонно снижались с 12–14 до 5 млн баррелей в день, а объёмы экспорта возрастали с практически нулевых отметок до 4–5 млн баррелей в день (см. рис. 1). Импорт Соединёнными Штатами сырой нефти из района Персидского залива начал существенно снижаться с 2003 г., а после 2013 г. он сократился практически вдвое (с 2 млн до 1 млн баррелей в день). По имеющимся прогнозам, он сохранится на этом уровне как минимум до 2025 г. [Barry M. 2016]. К этому можно добавить и прогнозы, согласно которым США располагают наибольшими запасами нефти в мире, что отчетливо рисует перспективу полной ликвидации нефтегазовой зависимости США от Ближнего Востока (см. рис. 2) [Nysveen P. 2016].

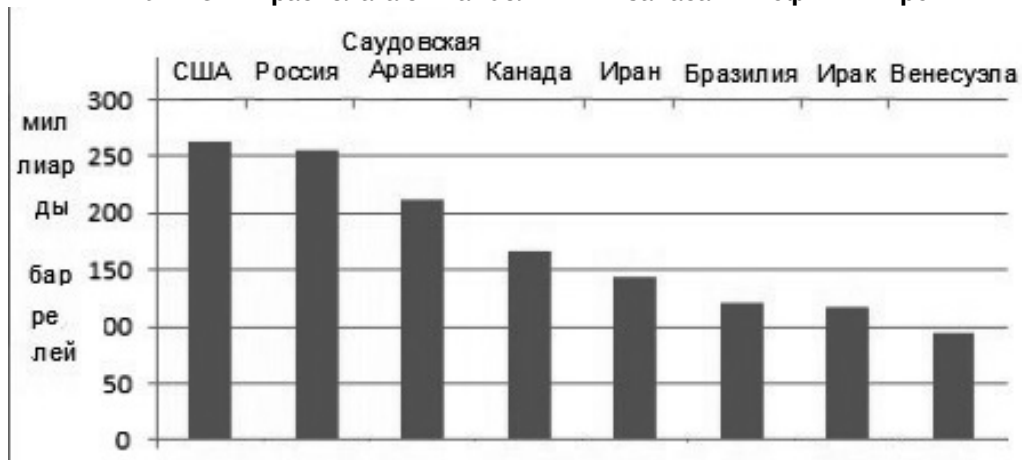
Рис. 1. Добыча, импорт и экспорт нефти в США, тыс. баррелей в день

Clawson P., Henderson S. Energizing Policy: America and the Middle East in an Era of Plentiful Oil.

Вопрос, на наш взгляд, состоит в следующем: минимизируясь как фактор для экономики США, исчезает ли энергетический интерес этой страны в ближневосточном регионе как фактор политики? Полностью ли утрачивает ближневосточная политика США энергетическое измерение – как одну из двух своих традиционных основ (энергетика и геополитика)? Ответ на этот вопрос, на наш взгляд, отрицательный: сокращающийся интерес США в нефтегазовых поставках из арабских стран отнюдь не означает полного устранения энергетического фактора из процесса выработки ближневосточной политики США в широком смысле. Этот фактор продолжает действовать, но иначе, чем прежде.

Рис. 2. США располагают наибольшими запасами нефти в мире

Clawson P., Henderson S. *Energizing Policy: America and the Middle East in an Era of Plentiful Oil*.

Во-первых, ослабление зависимости от этих поставок существенно расширяет поле для политического маневра США в регионе (президент Барак Обама даже пошёл на осложнение отношений с традиционными союзниками в лице нефтедобывающих арабских монархий). **Во-вторых**, став экспортёром энергоносителей, США заинтересованы в стабильности этого рынка, что несколько не уменьшает их традиционной ответственности по обеспечению безопасности морских путей доставки нефти из района Персидского залива. Из этого следует устойчивая заинтересованность США в снижении уровня напряжённости в Заливе, в минимизации негативных для региональной энергетики последствий локальных конфликтов. **В-третьих**, ослабление зависимости от арабской нефти создаёт положительный для политики США "зеркальный эффект", а именно – способствует формированию более гибкой политики арабских монархий, заинтересованных в сохранении партнёрских отношений с США. Это особенно заметно на палестино-израильском направлении: Саудовская Аравия и другие монархии не только заявляют о готовности заключить мирные договоры с Израилем (на условиях "арабской мирной инициативы"), но уже де-факто негласно взаимодействуют с этим государством в контексте совместного противостояния Ирану.

Ослабление, если не полная ликвидация, зависимости США от арабской нефти вряд ли стоит рассматривать как повод для эйфории в Вашингтоне, поскольку этот феномен чреват и потенциальными негативными последствиями как для отношений Соединённых Штатов с арабскими партнёрами, так и для перспектив развития этих нефтедобывающих (и в своём большинстве – нефтезависимых) стран. На это, в частности, обращают внимание авторы доклада подготовленного в Вашингтонском институте Ближнего Востока. Аналитики пишут: "Сокращение зависимости США от ближневосточной нефти может создать впечатление, будто Америка минимизирует свою активность в регионе, что может подорвать влияние США на дружественные им страны. Если агрессивно настроенные государства региона почувствуют, что Вашинг-

тон ослабил внимание и готовность выполнять обязательства по обеспечению безопасности, они могут резко усилить свои дестабилизирующие действия. Увеличение объёмов добычи нефти и газа в США может провоцировать сокращение возможностей для ближневосточных нефтеэкспортёров расширять их производство, что, в свою очередь, может негативно сказаться на основанном на нефти процветании этих арабских государств и тем самым подорвать внутривнутриполитическую стабильность там" [Clawson P. 2016].

Иными словами, всё более опирающаяся на геополитическое видение и базис политика США в регионе обречена с особой осторожностью оперировать энергетическим фактором в отношениях со своими арабскими партнёрами: с одной стороны, показывать определённую независимость от энергопоставок, а с другой – подтверждать верность взятым на себя обязательствам по их безопасности. В ответ Вашингтон рассчитывает на возрастающее понимание своих озабоченностей в регионе со стороны партнёров, а также на проявления политической гибкости с их стороны, направленной на учёт интересов США. К тому же, для разработчиков ближневосточной стратегии США отныне становится важным найти не связанные с энергоносителями аргументы, которые могли бы стать убедительными для американской аудитории в качестве оправдания активной вовлечённости США в ближневосточные перипетии.

Впрочем, с аргументами в оправдание в глазах американцев активного присутствия США в ближневосточном регионе у нынешнего и двух предыдущих хозяев Белого дома особых проблем не возникало, хотя все они в качестве кандидатов заявляли о приоритете Тихоокеанского региона для будущего США. И всё же основательно – порой вопреки собственным стратегическим установкам – обращались к Ближнему Востоку, "погрязая в трясине" конфликтов там. Джордж Буш-младший сделал это в ответ на террористические атаки в Нью-Йорке и Вашингтоне 11 сентября 2001 г. (вторжение в Афганистан и затем в Ирак); Барак Обама был "унесён ветрами" "Арабской весны" в этот регион; Дональд Трамп унаследовал вовлечённость США в сирийский конфликт и склонен разыгрывать карту противостояния с Ираном. Энергетический фактор, подчеркнём, играл и играет вторичную роль в политике трёх президентов, а фактор главный в их восприятии таков: Ближний Восток был и остаётся источником конфликтов и глобальных угроз, игнорировать которые невозможно. Это первое. Второе – в условиях нарастания конфликтности в этом регионе Соединённые Штаты не могут отречься от своих обязательств по отношению к союзникам (арабским монархиям Залива и Израиля), ибо только таким может быть поведение "великой державы" в международных делах, – склонны полагать в Вашингтоне.

Чтобы лучше понять, насколько радикальные изменения претерпели базовые установки ближневосточной политики США со времени кардинального ослабления зависимости от арабской нефти, стоит рассмотреть этот вопрос в исторической ретроспективе. Показательна в этом плане фигура нынешнего госсекретаря США Рекса Тиллерсона, многолетнего главы одной из крупнейших в мире нефтяной компании "ЭксонМобил" (*ExxonMobil*). Дело в том, что корпорациям-предтечам этой компании суждено было сыграть важнейшую роль в отвоёвывании ближневосточного рынка углеводородов у своих запад-

ных конкурентов, а затем и в утверждении позиций американских нефтяных гигантов на этом рынке энергоносителей.

Схватка за арабскую нефть

Именно в США в начале прошлого столетия впервые возникла нефтяная промышленность как отрасль экономики. К 1920 г. на её долю приходилось 64% мирового производства нефти. Почти в то же время из опасений возможной нехватки нефтяных запасов на территории Северной Америки "капитаны" отрасли обратили свои взоры на страны Ближнего Востока. В разработке первых ближневосточных стратегий немалую роль сыграли и опасения, что обнаруженные в том регионе источники нефти могли попасть в руки других государств и тем самым затруднить доступ к ним американских компаний. Весьма сильные опасения вызывали у американских нефтяников усиления британской "Бритиш петролиум" (*British Petroleum*) и голландской "Ройал Дач шел" (*Royal Dutch Shell*). В марте 1920 г. Конгресс США принял закон "Об аренде участков для добычи полезных ископаемых" (*Mineral Leasing Act*), в котором указывалось, что нефть и другие минеральные ресурсы, находящиеся на государственных землях США, могли добываться предприятиями, собственниками которых являлись иностранцы. Тем не менее, согласно данному закону, в случае если подобные привилегии не будут предоставлены американским фирмам за границей, то иностранные компании также могли быть лишены этого права. Таким образом, Конгресс установил "принцип взаимности" и требовал его соблюдения и от других игроков нефтяного рынка¹.

Государственные структуры США активно поддерживали свои нефтяные компании по всему миру. Поскольку же на Ближнем Востоке к тому времени намного прочнее были позиции британских и французских компаний, то Госдепартамент призвал союзников "делиться", а точнее – проводить политику "открытых дверей", т.е. открыть доступ к месторождениям компаниям других стран, в частности США. В 1919 г., когда корпорация "Эксон" впервые заявила о своём желании участвовать в разработках нефтяных месторождений в Ираке, Госдепартамент призвал к формированию консорциума американских нефтяных корпораций, желающих работать на Ближнем Востоке, аргументируя это тем, что отстаивать интересы представителей всей нефтяной промышленности США было бы более разумным, чем отдельно взятой компании. Позднее к инициативе "Эксон" присоединились "Тексако" (*Texaco*), "Галф" (*Gulf*), "Атлэнтик рифайнинг" (*Atlantic Refining*), "Синклэр" (*Sinclair*), "Стэн-дарт ойл компани оф Индиана" (*Standard Oil Company of Indiana*).

Основательно американские компании вышли на ближневосточный рынок после подписания в 1928 г. так называемого Соглашения красной линии (*Red Line Agreement*): участники пакта обязывались не вступать в конкуренцию друг с другом на территориях бывшей Османской империи, распушенной в 1924 г. [The 1928 Red Line...]. В результате американские корпорации смогли приобрести концессии на нефтедобычу в Бахрейне. Тем не менее, лишь пря-

¹ Как США вступили в борьбу за ближневосточную нефть // WashingtonProFile. 20.04.2005.

мое вмешательство Госдепартамента смогло убедить Великобританию позволить американской компании "Стэндарт ойл оф Калифорния – Сокал" (*Standard Oil of California*) (*Socal* – предшественнице *Exxon*) работать в регионе. "Сокал" также приобрела в 1933 г. эксклюзивное право на разработку месторождений нефти сроком на 65 лет в новообразованном королевстве Саудовская Аравия (единственная территория в регионе, не находившаяся под контролем Великобритании). Вскоре к "Сокал" присоединилась американская компания "Тексако". Американские нефтяники на протяжении ряда лет были крупными спонсорами правящей саудовской династии и, в том числе, благодаря этому, смогли надолго обосноваться на Ближнем Востоке. С 1925 по 1938 гг. американские компании заключили основные концессионные соглашения с Саудовской Аравией, Ираком, Кувейтом, Бахрейном, Катаром сроком на 55–57 лет.

Фундаментальной базой для развёртывания экспансии в послевоенный период послужили захваченные нефтяными монополиями США ещё до Второй мировой войны нефтяные концессии в Ираке, Саудовской Аравии, Кувейте, Катаре, в Бахрейне, в некоторых других районах Ближнего и Среднего Востока. Нефтяные монополии при содействии правительства США навязали правителям этих государств, находившимся тогда в зависимости от стран Запада, концессионные соглашения, предоставлявшие компаниям "право" на инвестирование своих капиталов и монопольную эксплуатацию полученных в концессию нефтеносных территорий. В 1950–1960-е годы нефтяные корпорации были вынуждены "подправить" наиболее кабальные условия концессий. Так, в 1950–1954 гг. был введён принцип равного (50:50) распределения прибылей между монополиями и местными правительствами; позднее у монополий были отобраны громадные неэксплуатировавшиеся ими участки концессионных территорий в Кувейте, Ираке, некоторых других странах, улучшены общие финансовые условия концессий.

Доктрина американской нефтяной экспансии впервые была изложена в докладе "Национальная политика США в области нефти", представленном в 1949 г. правительству США Национальным советом по нефти. В докладе был сделан упор на необходимость обеспечить всеми возможными средствами "доступ" США к нефти иностранных государств. В докладе, в частности, говорилось: "Участие граждан США в разработке нефтяных ресурсов земного шара служит интересам всех стран и является важным для нашей национальной безопасности. Нефть иностранных государств должна быть доступной для Соединённых Штатов в таком количестве, которое может быть необходимо для того, чтобы служить дополнением к нашим внутренним поставкам... Действительная политика в области нефти должна поощрять доступ американских граждан к мировым нефтяным ресурсам на равной основе с гражданами других государств и на основе стабильных соглашений между иностранными правительствами и частными компаниями на той базе, которая будет поощрять разработку этих ресурсов методами частного предпринимательства... Правительство каждой страны и её граждане должны соблюдать все действующие концессионные соглашения и законно приобретённые Соединёнными Штатами права; они не должны предпринимать каких-либо односторонних попыток

прямым или косвенным образом чинить препятствия таким соглашениям или правам. Правительство США должно поощрять разработку иностранной нефти американскими гражданами путём действий по дипломатическим каналам, направленными на то, чтобы уменьшить политический риск, присущий таким иностранным операциям и путём разрешения гражданам США осуществлять деловые операции за границей в соответствии с законами и обычаями других стран. Национальным интересам США отвечает, чтобы американские нефтяные компании продолжали принимать активное участие в разработке нефтяных ресурсов других стран. Поэтому федеративное правительство с помощью дипломатических средств должно оказывать своё содействие проводить разумную политику в области нефти. Оно должно добиваться соблюдения соглашений, заключённых между иностранными правительствами и гражданами США, и сведения к минимуму политического риска, который присущ операциям за рубежом".*

В 1950–1960-е годы под "доступом" США понимали собственность монополий на добытую ближневосточную нефть с правом на установление справочных цен, объёмов добычи и переработки, географических направлений нефтеэкспорта. В 1970-е годы трактовка термина "доступ" стала иной: она уже означала способность США обеспечить гарантированные долгосрочные закупки нефти у ближневосточных государств на льготных коммерческих условиях с признанием права собственности на саму нефть за местными правительствами.

Дело в том, что к началу 70-х годов руководство арабских нефтедобывающих государств заняло достаточно жёстко скоординированную позицию, чтобы обеспечить формальное возвращение прав этих государств на свои недра. В итоге сложных и длительных переговоров в октябре 1972 г. в Нью-Йорке было подписано генеральное соглашение между девятью западными нефтяными компаниями, действовавшими на Ближнем и Среднем Востоке и четырьмя арабскими нефтедобывающими странами (Саудовская Аравия, Кувейт, Катар, Объединённые Арабские Эмираты) по вопросу об участии (разделе). В соглашении предусматривалась передача правительствам этих стран в 1973 г. прав собственности над 25% активов ближневосточных филиалов монополий с доведением в 1982 г. арабской доли до 51%. Однако в 1974 г. арабские элиты потребовали от западных монополий форсировать процесс передачи им контрольных пакетов и добились права собственности на 60% активов компаний АРАМКО, "Кувейт ойл", "Катар петролеум" и "Абу-Даби петролеум". В декабре 1975 г. Кувейт установил полный контроль над активами монополий США и Англии на своей территории. И хотя этот шаг ещё не означал национализацию активов, было важно то, что арабские государства вступили в принципиально новые отношения с западным нефтяным капиталом и подорвали прежнее безраздельное господство монополий на основе системы концессий. Это был шаг к реальному утверждению национального суверенитета над природными ресурсами.

* The International Petroleum Cartel. Staff Report to the Federal Trade Commission – U.S. Senate, 83-d Congress, 2-nd sess, Ch.2 // Concentration of Control of the World Petroleum Industry. P. 21-36. Available at: <http://www.mtholyoke.edu/acad/intrel/Petroleum/ftc2.htm>.

Страны Ближнего и Среднего Востока создали министерства по делам нефти, которые осуществляли административное руководство нефтяной отраслью. В сентябре 1960 г. была образована Организация стран-экспортёров нефти (ОПЕК) для защиты общих интересов нефтедобывающих государств Азии, Африки и Латинской Америки. ОПЕК отстаивала суверенное право государств распоряжаться своими нефтяными ресурсами в интересах развития национальной экономики. В 1968 г. была учреждена региональная Организация арабских стран-экспортёров нефти – ОАПЕК (*Organization of Arab Petroleum Exporting Countries – OAPEC*) со штаб-квартирой в городе Сафат (Кувейт). Основой для её создания стало соглашение, подписанное между правительствами Кувейта, Ливии и Саудовской Аравии. В ОАПЕК вошли 11 стран: Алжир, Бахрейн, Египет, Ирак, Катар, Кувейт, Ливия, Объединённые Арабские Эмираты, Саудовская Аравия, Сирия, Тунис.

В 1974 г. в США насчитывалось 16 корпораций, активы каждой из которых превышали 6 млрд долл. В числе этих корпораций – восемь нефтяных ("Эксон", "Тексас ойл", "Мобил ойл", "Голф ойл", "Теннеко", "Шелл ойл", "Стандарт ойл компани оф Калифорния", "Стандарт ойл компани оф Индиана"). В 1945–1973 гг. объём прямых частных капиталовложений США в нефть Ближнего и Среднего Востока возростал и составил в 1943 г. – 100 млн, в 1950 г. – 650 млн, в 1970 г. – 1500 млн, в 1973 г. – 2 139 млн долл. [Шумилин А.И. 2008]. Как видно из приведённых данных, американский частный капитал инвестировал за 1945–1973 гг. 4 389 млн долларов.

После окончания Второй мировой войны США изменили ситуацию в нефтяной сфере региона в свою пользу, отобрав у Великобритании лидирующую роль. В 1974 г. удельный вес капиталовложений США в нефть Ближнего и Среднего Востока в общем объёме американских капиталовложений в нефтяной сектор иностранных государств составил всего 5,3%, а доля полученных от этих инвестиций прибылей – 62,5%. В том же 1974 г. норма прибыли монополий в этом районе достигла 520%, несмотря на повышение арабскими правительствами ставки налогов на доходы монополий и отпускных цен на нефть. Причиной столь высокого дохода стала дешевизна местной рабочей силы, исключительно высокая производительность нефтяных скважин, близость основных источников нефти к морским транспортным артериям, малый риск потерь в разведочных работах в силу высокой вероятности нахождения нефти.

Нефтяное лобби в американской политике

Нынешний госсекретарь США Рекс Тиллерсон, экс-глава "ЭксонМобил", волей-неволей символизирует как минимум влияние нефтегазовых корпораций на внешнюю политику США (будем избегать избитых выражений типа "сращивания интересов корпораций и государства"). И это по-своему символично, поскольку до сих пор на этом посту не было прямых выходцев из нефтегазового комплекса – связь между "нефтяниками" и Госдепартаментом была скорее опосредованной. Но их влияние на ближневосточную политику остава-

лось значительным, иногда решающим, на протяжении более полувека после Второй мировой войны.

В канун создания государства Израиль (1947–1948 гг.) отчётливо обозначилась главная линия разлома в американском истеблишменте в отношении Ближнего Востока: "нефтяники", поддержанные Пентагоном, настаивали на формировании и проведении проарабской политики Вашингтона, а президент Гарри Трумэн, опиравшийся на преобладавшее общественное мнение, заявил себя сторонником создания и поддержки Израиля. Это был уникальный случай в американской истории, когда президенту противостояли сразу и госсекретарь, легендарный боевой генерал Джордж Маршалл, и министр обороны Джеймс Форрестол. Герой войны Дж. Маршалл был признанным политическим тяжеловесом, считавшим себя вправе не только публично высказывать несогласие с президентом, но и грозившим пойти на выборы 1948 г. в качестве его, Трумэна, конкурента. Он откровенно разделял мнение той части своих подчинённых в Госдепартаменте, которые полагали, что ставка США на Израиль (при разделе Палестины на два самостоятельных государства) приведёт в условиях начавшейся холодной войны к симметричному ходу со стороны Советского Союза в виде ставки на арабов. И тогда Советы получают окно для проникновения в арабский мир. Разделявший также эти опасения Дж. Форрестол на одном из совещаний в Овальном кабинете бросит Трумэну следующую знаменитую фразу, в которой кратко определит "правильный стратегический интерес США" в этом регионе. *"Вы просто не понимаете, что сорок миллионов арабов столкнут четыреста тысяч евреев в море. И в этом всё дело, – сказал глава Министерства обороны. – Нефть, мы должны быть на стороне нефти"* [Hamby A. 1995].

Одновременно на президента оказывал серьёзное влияние его ближайший советник Кларк Клиффорд, который был убеждён в том, что первое "демократическое государство на Ближнем Востоке станет долгосрочной гарантией безопасности не только США, но и всего мира" [Holbrooke R. 2008]. По сути, это была схватка между прагматиками (сторонниками "геополитического видения") и идеалистами-моралистами (сторонниками "ценностного подхода") в сфере внешней политики. Столкновение этих двух позиций в окружении Трумэна Ричард Холбрук, заместитель госсекретаря США в начале 1990-х годов, автор Дейтонских мирных соглашений по Югославии, описал как "напряжённую битву" [Holbrooke R. 2008]. "Этот вопрос (решения проблемы Палестины. – А.Ш.) стал причиной самых серьёзных разногласий, когда-либо возникавших между президентом Гарри Трумэном и его многоуважаемым государственным секретарём Джорджем Маршаллом, а также большей частью внешнеполитического истеблишмента... *Отклик битв, которые велись тогда, слышен и сегодня*", – написал Р. Холбрук [Holbrooke R. 2008].

Впрочем, приведённая оценка Холбрука относится скорее к периоду президентства Билла Клинтона (1992–2000 г.), поставившего задачу достичь окончательное урегулирование между палестинцами и израильтянами в качестве приоритета своей политики на Ближнем Востоке. В период нахождения в Белом доме Джорджа Буша-мл. (2001–2009 гг.) и Барака Обамы (2009–2017 гг.) палестино-израильские проблемы были основательно отеснены на

второй план в их ближневосточной политике фундаментальными потрясениями в регионе в целом. То же самое можно наблюдать и сегодня – при президенте Дональде Трампе. Ни одному из американских президентов XXI столетия уже не приходилось выбирать между "арабами" и "евреями" (Израилем), как их предшественникам, а, по существу – выбирать между традиционно склонным к "проарабской" линии Госдепартаменту и "произраильской" позицией Конгресса США и общественного мнения. Таковы результаты фундаментальных изменений политического ландшафта Ближнего Востока, с одной стороны, и ослабления зависимости США от арабской нефти – с другой. Следует признать, что президентам XXI столетия удавалось примерять эти два, казалось бы, противоположных посыла формирования ближневосточной политики Вашингтона.

Представительство нефтегазового комплекса особенно заметно присутствовало в республиканских администрациях. Впрочем, и при демократах американские нефтяные компании оказывали существенное влияние на политический истеблишмент США. Показательно, что долгое время они оставались одними из крупнейших спонсоров американской политики. Если обратиться к администрации Дж. Буша-мл., то и сам 43-й президент имел опыт работы в сфере энергетики, а его вице-президент Дик Чейни долгое время руководил компанией "Халибёртон" (*Halliburton*), которая, среди прочего, достаточно активна и на энергетическом рынке. Тогдашний госсекретарь Кондолиза Райс, будучи выходцем из академических кругов, одно время входила в Совет директоров компании "Шеврон" (*Chevron*).

Центр гибкой политики (*Center for Responsive Politics*), исследующий финансовые потоки пожертвований политическим структурам, подсчитал, что в 2004 г., например, нефтяные и газовые компании предоставили 7 млн 274,5 тыс. долл. кандидатам и политическим партиям, участвовавшим в выборах в Палату представителей. Из этой суммы 5 млн 748 тыс. долл. были предназначены для кандидатов Республиканской партии. Демократам досталось намного меньше – 1 млн 526,5 тыс. долл. Средняя величина пожертвований в пользу республиканцев составила 25 780 долл., в пользу демократов – 9301 долл. Кандидатам, претендовавшим на место в Сенате, в общей сложности было выделено 2 млн 493,7 тыс. долл. Республиканцы получили 1 млн 638,5 тыс. долл., демократы – 850 тыс. долл. Средняя величина пожертвований республиканцам составила 35 619 долл., демократам – 25 023 долларов².

На десятом месте по объёму пожертвований находится компания "Маратон ойл" (*Marathon Oil*), выделившая в 2004 г. на эти цели 314 тыс. долл.: 19% из данной суммы было предоставлено демократам, 81% – республиканцам. Девятое место занимает компания "Коноко Филлипс" (*Conoco Phillips*) с общей суммой пожертвований в 368 800 долл., из которых 17% досталось демократам, и 83% – республиканцам. Восьмое место заняла "Пилот корп" (*Pilot Corp*) с вкладом в 372 000 долл. (вся сумма была выделена республиканцам). На седьмом месте "Анадарко петролеум" (*Anadarko Petroleum*) (464 700 долл.) – 4%

² Как США вступили в борьбу за ближневосточную нефть // WashingtonProFile. 20.04.2005.

было предоставлено демократам, 96% – республиканцам. "Оксидентал петролеум" (*Occidental Petroleum*) со своим пожертвованием в 473,900 занимает шестое место. Из данной суммы 20% было выделено демократам, 80% республиканцам. "Шеврон Тексако" (*Chevron Texaco*) занимает пятое место с вкладом почти в 497 000: 17% пошло в фонд демократов, 83% – республиканцев. На четвертом месте "Эл Пасо корпорейшн" (*El Paso Corp*) с пожертвованием в 526 500 (34% из этой суммы пошло на поддержку демократов и 66% на поддержку республиканцев). Компания "Валеро энерджи" (*Valero Energy*) предоставила помощь в размере 701 900, 14% из которых достались демократам, 86% – республиканцам. На втором месте находится "Коч индастриз" (*Koch Industries*), пожертвовавшая 844 000 (17% пошло на поддержку Демократической партии, а 83% досталось республиканцам). Наконец, на первом месте – "ЭксонМобил" с суммой в 928 800: 11% было перечислено на счета демократов, 89% было выделено республиканцам³.

Таким образом, большая часть пожертвований фирм, вошедших в "первую десятку" досталась республиканцам. Республиканская партия достаточно давно делает ставку на традиционные источники энергии в то время, как Демократическая партия активнее выступает за поддержку нетрадиционной энергетики и поиск альтернативных источников топлива. Тем не менее, некоторые другие компании, не вошедшие в число крупнейших спонсоров, выделили большие суммы демократам. В число крупнейших спонсоров Демократической партии попали компания "Шелл" (*Shell*) (235 500 долл.), которая выделила 58% своих пожертвований Демократической партии. "Феникс ойл энд газ" (*Phoenix Oil&Gas*) перечислила в копилку демократов 100% своих пожертвований (219 000 долл.).

Республиканец Джордж Буш-мл. во время своей президентской кампании 2004 г. получил от нефтяников и газовиков 2,5 млн долл. Его главный конкурент на выборах демократ Джон Керри собрал из этих источников почти в 10 раз меньше денег – 285 500 долларов.

Если на протяжении второй половины прошлого столетия "нефтяники" заметно преобладали в структуре финансовых вкладов в американскую политику, то с началом XXI века их объёмы таких вложений оказались на третьем месте. Например, в ходе президентской кампании 2004 г. лидерство по общему количеству перечисленных сумм удерживают корпорации, действующие в сфере шоу-бизнеса и СМИ, общие пожертвования которых составили более 30758000 долл. [Шумилина И.В. 2009]. На втором месте – компьютерные и телекоммуникационные компании, которые перечислили на политические цели почти 27913000 долл. [Шумилина И.В. 2009]. Традиционно же выходцы из нефтегазового комплекса или фигуры, связанные с ним, продолжают присутствовать на видных постах внешнеполитического истеблишмента США.

Приоритеты – борьба с терроризмом и ОМУ

Применительно к политической сфере снижение энергетической зависимости от стран Ближнего Востока воспринимается в США в первую очередь как

³ How the U.S. Entered the War for the Middle East Oil]. WashingtonProFile. 20.04.2005.

реальность, исключая возможность повторения нефтяного бойкота арабскими странами Соединённых Штатов после арабо-израильской войны 1973 г. Тогда, напомним, арабские страны задействовали свои энергоресурсы в качестве политического оружия прежде всего для того, чтобы принудить США отказаться от поддержки Израиля. Нефтяной удар оказался весьма ощутимым для американской экономики и простых потребителей нефтепродуктов, что, собственно, и подтолкнуло американский истеблишмент взять курс на ослабление энергозависимости от Ближнего Востока. Как следует из представленных рисунков, перелом в нейтрализации и дальнейшего устранения "энергетической угрозы" для США (2003–2004 гг.) практически совпал с резкой активизацией другого вида угроз – террористической, связанной с вынесением сетью "Аль-Каиды" операций за пределы Ближнего Востока (теракты в США и в Европе), и угрозой распространения оружия массового уничтожения вследствие прихода к власти в Иране радикально настроенной команды Махмуда Ахмадинежада (2005–2013 гг.).

В связи с этим следует особо подчеркнуть, что военные операции в Афганистане (ноябрь 2001 г.) и затем в Ираке (март 2003 г.) администрация Джорджа Буша-мл. планировала и осуществляла практически без тщательного согласования со своими ближайшими партнёрами в арабском мире (арабскими монархиями Персидского залива – "нефтяной шестёрки", т.е. Саудовской Аравии, Кувейта, Омана, Катара, ОАЭ и Бахрейна). И это – в отличие от операции "Буря в пустыне" по выдворению армии Саддама Хусейна из Кувейта (январь – март 1991 г.) [Шумилин А.И. 2008]. В США эти операции в основном трактуются как ответные на террористический вызов – как самой Америке, так и её союзникам в Европе и Израилю. По сути, эти операции стали первыми для США в регионе, считающимися "дистанцированными" от арабских союзников и партнёров (не считая поддержку Соединёнными Штатами Израиля во время его войн с арабскими соседями, за что "нефтяная шестёрка" и наказала Америку нефтяным бойкотом в 1973 г.). Частичное игнорирование Вашингтоном позиции "нефтяной шестёрки" по данным вопросам объяснялось, как правило, тем, что боевые действия в Афганистане и Ираке не подвергали угрозе нефтяные рынки в регионе и в мире.

В дальнейшем поведение администрации Барака Обамы в условиях разразившейся "арабской весны" (с 2011 г.) и вовсе нередко находилось в противоречии с позициями и политикой арабских монархий Залива, поскольку в Вашингтоне воспринимали происходящие в регионе потрясения как "стремление широких народных масс к демократическим преобразованиям в своих странах" [Шумилин А.И. 2015]. В Вашингтоне оперировали прежде всего "ценностными" категориями – быть на стороне восставшего народа против диктатур, содействовать утверждению демократических принципов и основ в строительстве государств и обществ и т.д. [Шумилина И.В. 2011]. Противоречия между нефтяными монархиями и Вашингтоном вышли на поверхность применительно к ситуациям в Египте (свержение президента Мухаммеда Мурси в июле 2013 г.), Бахрейне (посредническая миссия Госдепартамента между протестующими и правительством в 2012–2014 гг.) и отчасти в Йемене (Обама не был сторонником военной операции арабских монархий против хуситов в 2015 г.). Сирийский же конфликт в основном объединял усилия

монархий и Вашингтона, поскольку в его основе лежит "восстание части населения против диктатуры Асада" за демократическое переустройство Сирии (притягательно для США), но одновременно это было и остаётся протестом суннитского большинства против правления шиитского меньшинства (что принципиально важно для арабских монархий) [Шумилин А.И. 2015]. В целом, заметим, потрясения "Арабской весны" происходили в политической и религиозной сферах (борьба за власть и внутреннее переустройство государств и обществ), когда интересы нефтегазовой сферы не просто страдали, но и нередко приносились в жертву политическим интересам. Более того, набор тактических расхождений в подходах Обамы и арабских монархий к сирийскому кризису (так называемая "химическая сделка" между США и Россией в сентябре 2013 г.), а также к проблеме денуклиаризации Ирана привели ко второму – после "нефтяного бойкота" 1973 г. – кризису в американо-арабских отношениях. Для его преодоления Барак Обама даже созвал саммит США с лидерами стран "нефтяной шестерки" в Кэмп-Дэвиде в мае 2015 г. Не удивительно, что элиты арабских монархий Залива, как, впрочем, и политический истеблишмент Израиля, с облегчением восприняли окончание президентского срока Барака Обамы.

Заявленный администрацией Дональда Трампа подход к проблемам Ближнего Востока основывается на трёх главных посылах: а) мобилизация союзников на борьбу с терроризмом; б) предотвращение появления ядерного оружия у Ирана и противодействие региональной экспансии этого государства; в) отказ от поощрения тенденций к демократизации в арабских странах (констатация цивилизационных различий как устойчивой реальности). Концентрация на этих задачах позволила команде Трампа не только восстановить взаимопонимание и союзнические отношения с арабскими монархиями, но и укрепить объективно формировавшуюся в последние годы негласную платформу для сближения монархий с Израилем в противостоянии исламистскому терроризму и Ирану. Эта стратегия получила отчётливое подтверждение в ходе визита Трампа в Саудовскую Аравию и Израиль в мае 2017 года.

Сознавая, что бремя нефтяной зависимости от Ближнего Востока ослабевает, команда Трампа склонна воспринимать этот регион преимущественно в геополитической плоскости, сохраняя "ценностный" подход разве что к Израилю. Показательно, что и администрация Трампа, и американский Конгресс открыто демонстрируют особо привилегированный подход к Израилю, не опасаясь какого-либо противодействия со стороны арабских стран и, в частности, "нефтяной шестёрки". Это, например, выразилось в обещаниях самого Трампа в ходе избирательной кампании, а также в резолюции Сената от 5 июня 2017 г. перевести посольство США из Тель-Авива в Иерусалим*. Показательна и сформированная Трампом команда по палестино-израильским делам: главной фигурой на этом направлении стал **Джаред Кушнер**, муж дочери Д. Трампа Иванки, старший советник и особо доверенное лицо президента.

* S. Res.176 – A Resolution Commemorating the 50th Anniversary of the Reunification of Jerusalem. 115 Congress (2017–2018). Washington, Congress.gov. 06.05.2017.

Этот 36-летний бизнесмен происходит из семьи ортодоксальных иудеев. Показательно, что и его жена, Иванка, приняла иудаизм. В разгар кризиса вокруг Храмовой горы 24 июля Дж. Кушнер координировал усилия США дабы содействовать поиску компромисса между сторонами. Второй знаковой фигурой в команде стал назначенный Трампом посол в Израиле **Дэвид Фридман**, имеющий репутацию "произраильского ястреба", давний и открытый сторонник израильских поселений на Западном берегу и плана перевода посольства США в Иерусалим. Третьей ключевой фигурой на палестино-израильском треке назначен **Джейсон Гринблатт**, юрист, работающий с Трампом уже более 20 лет. СМИ приводят слова Гринблатта о том, что новая администрация США "будет настоящим другом Израилю", а Иерусалим должен оставаться "единой и неделимой столицей еврейского государства"⁴.

Наряду с подчеркнуто произраильскими симпатиями администрация Трампа отчётливо демонстрирует готовность наращивать взаимодействие с арабскими партнёрами и союзниками, в частности, с "нефтяной шестёркой". Это следует из весьма жёсткой позиции Трампа по Ирану (что, несомненно, вдохновляет арабские монархии), во-первых, и, во-вторых, из провозглашённой им новой стратегии по Афганистану. В контексте последней глава Белого дома обрушился с жёсткой критикой на давнего партнёра США в Юго-Западной Азии – Пакистан. Тем самым Трамп даёт понять, что бороться с ИГИЛ и экстремистской частью Талибана в Афганистане его администрация планирует при опоре на арабских союзников – как она делает это сейчас в Сирии и Ираке.

В заключение подчеркнём, что при всём внешнем различии в подходах трёх президентов США в XXI столетии к проблемам Ближнего Востока в них можно выделить общий знаменатель – ослабление бремени зависимости США от арабской нефти, которое в XIX столетии существенно "повышало цену" в проведении Вашингтоном политики, отрицательно воспринимавшейся арабскими нефтяными грандами. Ослабление от нефтяной зависимости позволило Вашингтону опираться на своих партнёров в арабском мире и на Израиль, чтобы предотвратить превращение этого региона в источник распространения таких глобальных угроз, как исламистский терроризм и оружие массового уничтожения. Одновременно отсутствие прежней нефтегазовой зависимости США стало одним из факторов обозначившегося сближения между арабскими монархиями Залива и Израилем.

Список литературы

Шумилин А.И. Политика США на Ближнем Востоке в контексте "Арабской весны". М.: Международные отношения. 2015. 336 с.

Шумилин А.И. Энергетическая стратегия России и США на Ближнем Востоке и в Центральной Азии. М.: Международные отношения. 2008. 168 с.

Шумилин А.И. Россия и США на Ближнем Востоке: партнёры-соперники. М.: Русь-Олимп. 2011. (С.87.).

⁴ Grant P. Trump Names Jason Greenblatt Representative for International Negotiations. The Wall Street Journal, 23.12.2016

Шумилина И.В. За кулисами обамамании: искусство убеждать американцев и мир. М.: Русь-Олимп, 2011, 223 с..

Шумилина И.В. Обамамания и Голливуд. Новая "медийность" президента США // Вестник аналитики. 2009. №1. С.93-96.

References

Barry M. Middle East Oil Supply / Outlook for Crude Exports from Middle East // Facts Global Energy. September 27. 2016. Available at: <https://www.energimyndigheten.se/contentassets/28c267773c7242f4a662eb1bf0ff17a3/michael-w.-barry.pdf>.

Clawson P., Henderson S. Energizing policy: America and the Middle East in an Era of Plentiful Oil // The Washington Institute for Near East Policy. 2016. p.3, p.25, p.72.

Hamby A. Man of the People. A Life of Harry S. Truman – NY: Oxford University Press. 1995. p. 411.

Holbrooke R. Washington's Battle Over Israel's Birth // The Washington Post. May 7, 2008.

Nysveen P. United States Now Holds More Recoverable Oil than Saudi Arabia // Rystad Energy. July 04. 2016. Available at: – <https://www.rystadenergy.com/NewsEvents/PressReleases/united-states-now-holds-more-oil-reserves-than-saudi-arabia>.

S.Res.176 – A Resolution Commemorating the 50th Anniversary of the Reunification of Jerusalem. 115 Congress (2017–2018). Washington, Congress.gov. 06.05.2017.

Shumilin A.I. Energeticheskaya strategiya SShA i Rossii na Blizhnem Vostoke i v Zentralnoy Azii [Energy strategy of the U.S. and Russia in the Middle East and Central Asia]. Moscow, International relations, 2008, 168 p.]

Shumilin A.I. Politika SShA na Blizhnem Vostoke v kontekste "Arabskoj vesny", [The USA policy in the Middle East in Context of the Arab Spring] Moscow, International Relations, 2015, 336 p.]

Shumilin A.I. Rossia i SShA na Blizhnem Vostoke: partner – soperniki [Russia and the U.S. in the Middle East: Partners and/or Rivals] Moscow, Russ-Olymp. 2011, 156 p

Shumilina I.V. Obamamania i Gollivud. Novaya mediynost [Obamamania and Holywood. A New Media-Approach]. Vestnik analitiki, 2009, №1, p.93-96.

Shumilina I.V. Za kulisami obamamanii: iskusstvo ubezhdad' amerikancev i mir [Behind the Curtain of Obamamania: the Skillfulness to Win Americans and the Entire World, 2011, 223 p.]. Moscow, Russ-Olymp, 2011, 223 p.

The 1928 Red Line Agreement // The Historian of the U.S. Department of State. Available at: <https://history.state.gov/milestones/1921-1936/red-line>.

Energy Factor in the U.S. Middle East Policy: from G.W. Bush to D. Trump

(USA ❖ Canada Journal, 2017, No. 12, p. 47-62)

Received 28.08.2017.

SHUMILIN Alexander Ivanovich, Institute for the U.S. and Canadian Studies, Russian Academy of Sciences (ISKRAN). 2/3 Khlebny per, Moscow, 121069, Russian Federation (Mideast@mail.ru)

In early 21-st century the United States has substantially reduced its dependence on the Arab oil while asserting itself as a leading exporter of the hydrocarbons in the world. Can it ensue unavoidable contracting of American interest to the Middle East region as a whole? Such a possibility is a matter of growing concern for the US' Arab partners and Israel as well. Yet the American policy in the region is acquiring some fresh foundations. The maintained and from time to time increased American presence there in economic and military terms is a testimony to the fact that the Middle East remains to be an important area for the U.S. in geostrategic terms. To underline that the energy-related factor keeps playing its role in the American decision making.

Keywords: *The Middle East, energy, oil&gas, policy, the USA, oil exporter.*

About the author:

SHUMILIN Alexander Ivanovich, Doctor of Sciences (Politics), Chief Research Fellow, Head of the Center for Middle East conflicts.